

Что касается забытья... Прижаться к его плечу с мольбой, дрожать в его объятиях, пролить слёзы, показать слабость — разве такое можно просто забыть? Хо Линьфэн сглотнул:

— Господин, после того как вы упали в воду, вы сказали: «Не убивай меня». Кто хочет вас убить?

Жун Лоюнь вздрогнул, но у него не было сил разозлиться, холодно ответив:

— Никто не хочет меня убивать, даже если бы и хотел, это не твоё дело.

Хо Линьфэн понял, что это была внутренняя рана, и нельзя торопиться с её исцелением, тем более что Жун Лоюнь уже был на грани. Он смягчил взгляд и серьёзно, искренне сказал:

— Господин, у каждого есть свои секреты, одни приносят радость, другие — муку. Если однажды вы захотите рассказать, я всегда буду готов выслушать.

Жун Лоюнь смотрел на него, поражённый, и его холодное лицо слегка смягчилось.

Оставив этот инцидент в стороне, они собрались у костра, чтобы согреться. Дяо Юйлян сосредоточенно жарил рыбу, Жун Лоюнь сидел у ведра, играя с красными карпами, а Хо Линьфэн, наконец, надел одежду, находясь в полушаге от него. Одевшись, он понюхал себя и пробормотал:

— Теперь пахну, как господин.

Жун Лоюнь вздрогнул:

— Что за бред... Я не пахну.

Хо Линьфэн сказал:

— Лёгкий аромат хэнью, явно есть.

Жун Лоюнь смутился, не зная, что ответить, и просто смирился. Он вспомнил кое-что ещё и спросил:

— Почему у тебя так много шрамов?

Хо Линьфэн смутился. Это были следы десятилетней войны. Он соврал:

— Остров Чжоша — глухое место, часто ранят дикие звери.

Не желая продолжать, он снял рыбу с огня и протянул её Жун Лоюню, чтобы закрыть ему рот.

Наевшись, они оказались в полной темноте, только костёр освещал их. Стало холоднее, и Дяо Юйлян прижался к Жун Лоюню. За день он и управлял каретой, и плавал, и теперь устал. Он спросил:

— Второй брат, давай спать в карете?

Жун Лоюнь кивнул, раздувая костёр.

Дяо Юйлян предложил:

— Холодно до чертиков, можешь обнять меня, как Ду Чжун обнимал тебя?

Хо Линьфэн и Жун Лоюнь замерли, украдкой глядя друг на друга через пламя, и их взгляды встретились, оставив только бесконечное смущение. Хо Линьфэн слегка кашлянул, встал и пошёл кормить лошадей, а затем стал собирать листья.

Южные листья, крупные и прочные, он уложил толстым слоем на крышу кареты, чтобы защитит от возможного дождя. Было очень холодно, поэтому он нагрел камни и положил их под карету, а воду залил в мешки, чтобы согреться.

Дяо Юйлян уже улёгся в карете, заняв середину, и быстро погрузился в сон.

Всё было готово, Хо Линьфэн потушил костёр, и вокруг стало темно, как в бездне.

— Господин? — он остановился у кареты, не зная, где Жун Лоюнь, и вдруг почувствовал боль в плече.

— Ты снова меня ударил?

Жун Лоюнь прикрыл голову:

— Я не ударял.

Хо Линьфэн не стал спорить, схватил его за талию и без лишних слов поднял в карету. Одежда зашуршала, они залезли внутрь и легли по обе стороны от Дяо Юйляна.

В крошечной тьме слышался лишь детский храп.

Хо Линьфэн протянул руку, вложил тёплый мешок в руки Жун Лоюня, снял верхнюю одежду и накрыл их обоих. Жун Лоюнь сразу согрелся, обнял Дяо Юйляна, и его рука случайно коснулась запястья.

Оно было холодным, он опустил руку, пытаясь согреть его. Пальцы коснулись пульса, боясь разбудить, он медленно провёл по ладони, затем между пальцами.

Он мягко сжал руку, но в этот момент понял, что она была большой, с чёткими суставами, а ладонь была покрыта толстыми мозолями.

Жун Лоюнь смутился, он ошибся человеком!

В этот момент та рука коснулась его раны... и крепко сжала его ладонь.

Возможно, из-за тёплого мешка, в эту холодную ночь Жун Лоюнь покрылся лёгким потом. Он открыл глаза, сжал губы, в темноте его лицо покраснело, а сердце забилося чаще. Его ладонь была крепко сжата, и он не мог сдерживать волнения.

Он слегка пошевелил указательным пальцем, пытаясь освободиться, но этот жест превратился в лёгкое щекотание ладони. Он шевельнул губами, хотел позвать Ду Чжуна, но звук не вышел. Молчание, борьба, их ладони стали горячими и влажными.

Жун Лоюнь попытался вырвать руку, но сильная ладонь не отпускала. Он прошептал:

— Ду Чжун, отпусти.

Хо Линьфэн уже закрыл глаза, не отвечая. Он лежал спокойно, никого не трогая, а Жун Лоюнь сам начал. И не просто коснулся, а провёл по венам, линиям ладони, пальцам — более тщательно, чем гадалка.

Так что он просто ответил на этот жест, что в этом плохого? К тому же мешок с теплом был его, одежда, которой он их накрыл, тоже его. Он просто согрел эту руку, что в этом такого?

Тогда Жун Лоюнь спросил:

— Ду Чжун, ты спишь?

Хо Линьфэн ответил:

— Когда усну, отпущу.

Жун Лоюнь прошептал:

— Ты переступил границы.

В темноте раздался тихий смешок, щекочущий ухо. Хо Линьфэн подумал, что это уже не первый раз. Во время тренировок он просил бить в барабан, на столбах Цветущей Сливы они заключали пари, а сегодня он утопил его... Он крепче сжал ладонь, бесстрашно сказав:

— Я устал, господин, накажите меня завтра.

Такая наглость оставила Жун Лоюня без слов. Он задумался, как поступить, но, думая, почувствовал сонливость. Ладно, шум разбудит Дяо Юйляна, раз уж он отпустит, когда уснёт, то лучше поскорее заснуть.

В карете больше не было звуков, только храп и два ровных дыхания.

Гора Линби уходила в облака, ночью, казалось, бродили звери. Озеро Линби окутала густая тьма, только маленький водопад продолжал шуметь. Весна была холодной, камни под каретой остывали, а мешки с теплом тоже теряли температуру.

К счастью, дождя не было, иначе не только ладони, но и тела сплелись бы вместе. Когда ночь закончилась и наступил рассвет, птицы в лесу начали петь, нарушая тишину.

Вздых!

Дяо Юйлян резко открыл глаза, тяжело дыша, лоб покрылся каплями пота, явно от кошмара. Он не мог пошевелиться, слева был Жун Лоюнь, справа — Хо Линьфэн, их руки лежали на нём, плотно прижимая.

— Второй брат... — жалобно позвал он. — Ду Чжун...

Хо Линьфэн и Жун Лоюнь проснулись одновременно, сонные, глядя друг на друга через Дяо Юйляна. В карете было темно, только слабый свет проникал через резное окошко, и в этой полутьме их мысли были замедленными, лица сонными.

Дяо Юйлян не выдержал, начал двигаться вниз, пытаясь выбраться из захвата.

— Эх! — вздохнул он, тряхнув косичкой. — Вы меня задавите!

Он потёр глаза, затем широко открыл их, удивлённо сказав:

— Ду Чжун, почему ты держал руку второго брата всю ночь?

Жун Лоюнь опустил взгляд, и правда, его рука всё ещё была крепко сжата, и они пролежали так всю ночь. Он бросил взгляд, явно обвиняющий — ты же сказал, что отпустишь, когда уснёшь?

Хо Линьфэн смутился, резко отпустил руку, прикрыв это лёгким кашлем. Ладони, плотно прижатые друг к другу всю ночь, были влажными от пота. Он перевёл тему:

— Четвёртый господин, вам не было холодно прошлой ночью?

Дяо Юйлян покачал головой:

— Холодно не было.

Он скрестил руки на груди, недовольно сказав:

— Но меня мучили кошмары, я видел, как меня схватили в чёрной лавке, хозяин был очень злым, увидел мою нежную кожу и захотел убить, чтобы сделать пирог.

Жун Лоюнь не был заинтересован, но мальчик украдкой посмотрел на него, что вызвало недоумение.

— Потом меня связали и положили на стол.

Дяо Юйлян сначала посмотрел на Жун Лоюня, затем на Хо Линьфэна, его взгляд был обвиняющим.

— Десять рабочих поднимали каменные плиты и давили на меня, я был сплюснен, меня хотели раздавить в фарш. Я испугался и проснулся, а это вы меня так сжимали.

Хо Линьфэн и Жун Лоюнь молча посмотрели друг на друга, отвернулись, нахмурились и одновременно посмотрели на этого надоедливого ребёнка. Дяо Юйлян, несмотря на свою живость, был немного наивным, и, увидев это, быстро добавил:

— ...Но благодаря этому мне не было холодно, я спал отлично!

Как братья на одной кровати, они провели некоторое время, затем вышли размять ноги.

Хо Линьфэн присел на берегу, умылся водой, свернул большой лист в треугольную шляпу, набрал воды и принёс Жун Лоюню для умывания. Поднявшись, он оглянулся и увидел, что Дяо Юйлян грыз вчерашнюю рыбу, а Жун Лоюнь исчез.

Он спросил:

— Где второй господин?

Дяо Юйлян, занятый едой, просто взглянул вверх.

Автор хотел сказать:

Малыш Дяо: Мне бы быть под каретой, а не в ней.

<http://bllate.org/book/16167/1449157>